

Славянская Анастасия

Подкованные

Она — гордая наездница.

Он — одержимый аристократ.

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Анастасия Славянская

Подкованные

<https://litres.ru/74363693>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ретеллинг на «Золушку»

Моя размеренная жизнь полетела ко всем чертям, когда одному молодому аристократу приспичило обзавестись личной помощницей. Успешная учеба в Королевском университете, любимая работа на конюшне и посещение закрытого маскарада — это всё, что мне было нужно. Вот только конный турнир под угрозой, ведь некоторые готовы на крайние меры ради мести Эдварду Синклеру. Даже увести у него из-под носа его же добычу.

Хотела бы я послать его предложение куда подальше, но пока наши планы совпадают, я готова помочь.

Она — гордая наездница.

Он — одержимый аристократ.

Содержание

Предупреждение	4
Глава 1.	6
Глава 2.	15
Глава 3.	31
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Анастасия Славянская

Подкованные

Предупреждение

Предупреждение:

«Подкованные» – это мрачный роман с тяжелой тематикой и порой крайне тёмными сценами.

ВНИМАНИЕ! В романе содержатся:

Откровенные диалоги и сцены сексуального характера;

Сцены употребления алкоголя;

Нецензурная брань;

Жестокое (без описаний) отношение к животным с последующим наказанием за это;

Преследование;

Вторжение в частную жизнь;

Игры с масками.

При этом никакой романтизации абьюза или насилия над главной героиней со стороны фаворита.

В книге есть упоминание наркотических или психотропных веществ, употребление которых опасно для здоровья. Их незаконный оборот влечет уголовную ответственность!! Будьте осторожны! Употребление сигарет и алкоголя вредит вашему здоровью!

Глава 1.

Нервное ржание донеслось из дальнего стойла.

Подхватывая общее настроение, Буревестник ударил копытом и при этом чуть не наступил мне на ногу, обутую в потертый кожаный сапог. Чтобы успокоить коня, я мягко натянула поводья, которые еще не успела снять после утренней тренировки. Ласково погладила его бархатную шею.

— Тсс. Тихо-тихо, мальчик. Все хорошо.

А сама покосилась в ту сторону, где взволновались лошади, которых готовили к турниру. Кроме их фыркания и топота копыт, не было слышно никаких лишних звуков. Да и с той стороны мог ходить только мистер Линч, начальник конюшни. Томас с Громом еще не вернулись. А больше никого сейчас в конюшне не было.

За последний месяц лошади стали слишком беспокойными, словно предчувствовали что-то. Но Линч лишь отмахивался от моих комментариев по этому поводу, будто у меня паранойя.

Буревестник тоже громко фыркнул в унисон с остальными, но уже без прежнего напряжения, боднул мне носом в плечо, вызывая легкую улыбку.

Может, действительно ничего страшного, и пробежала какая-нибудь мышка.

Я наконец сняла поводья, взяла жесткую щетку для шер-

сти и занялась чисткой животного. Руки работали привычно, это было сравнимо с медитацией.

Взмах за взмахом.

Взмах за взмахом.

Лучшая терапия для расшатанных нервов.

Мне уже казалось, что запахи сена, кожи, опилок и лошадиного пота уже въелись в мои рыжие и жутко непослушные волосы. И даже впитались в мою форму Королевского университета, хотя я всегда переодевалась в рабочую одежду, как только приходила в конюшню.

Попав в престижное учебное заведение по специальной программе, я задалась целью не только сдавать экзамены на отлично, но и зарабатывать. У меня не было внушительного капитала, в отличие от сокурсников. Пусть университет снабжал питанием, общежитием и формой, но все остальное студенты покупали себе сами в городке неподалеку.

На счастье, я знала, как обращаться с лошадьми, благодаря работе отца тренером-берейтором. Он всю жизнь обучал всадников и профессионально заезжал лошадей. Шон Уолш заработал свою репутацию трудом, потом, не раз сломанными костями и множественными ушибами. Тем не менее, это не отвратило его дочь от восхищения четвероногими скакунами. Со слов отца: мне исполнилось пять, а я уже села на первую в своей жизни шотландскую пони с мохнатыми ногами и густой гривой, за которую тут же ухватилась маленькими, но такими цепкими пальчиками.

«Талант» — хвалил меня он до того, как погиб, упав с лошади.

Вот такая ирония судьбы.

Неудачная и несправедливая...

И даже после всего того, чему он меня научил, на время учебы в университете дочь известного Шона Уолша взяли лишь грумом — конюхом, который выполнял базовое обслуживание. Я убирала денники и стойла, кормила и поила лошадей, следила за чистотой подстилок и самих животных, изредка выводила их на прогулки. И это при том, что совмещать учебу и работу получалось с трудом.

В очередной раз я провела жесткой щеткой вдоль отдающего рыжиной блестящего бока, снимая остатки грязи. Высокий петушиный хвост Буревестника ударил по дубовым панелям.

Когда я закончила с этой частью чистки и взяла мягкую щетку для полировки шерсти, дверь конюшни с тихим стуком хлопнула. Я не обернулась, уверенная, что это Том вернулся.

Выверенные шаги практически плыли по проходу, выложенному брусчаткой с противоскользящим покрытием и достаточно широкому, чтобы свободно разминуться с лошадыю под седлом.

— Где Линч?

Низкий, обволакивающий и совершенно незнакомый мне голос прозвучал сразу за спиной, заставляя обернуться.

И вот незадача.

На меня смотрели сине-зеленые пронзительные глаза за стеклом стильных очков.

Глаза Эдварда Синклера.

Отпрыска одного из многочисленных местных знатных родов.

Как по мне, ему был немного мал двубортный пиджак в темно-зеленую клетку удлиненного кроя с разрезом сзади для удобства в седле. По крайней мере, ткань облепила фигуру неприлично тесно. Под светом ламп вёсело поблескивали четыре позолоченные пуговицы на этом самом пиджаке. На высоком воротнике красовалась шелковая вышивка с фамильным гербом, выполненная мелкими зелеными нитями — переплетения ветвей, среди которых выглядывала голова гадюки.

Завершали образ белые кожаные бриджи с плотной посадкой. Естественно, с ценником равным моей месячной зарплате.

Эдвард приподнял одну бровь выше другой, как бы безмолвно напоминая, что все еще ждет ответа.

— Был в седельной. Сейчас не знаю.

Я махнула рукой в сторону задней части здания, где располагались специализированные помещения. Начкон как раз хотел сегодня перебрать дубовые стеллажи, где хранились седла — будь то для выездки, конкур или поло, — а также уздечки и подпруги.

Синклер кивнул своей выгоревшей на солнце пепельно-русой головой и направился в указанную сторону. Учитывая пасмурную погоду туманного Альбиона, оставалось удивляться, как он умудрялся находить это самое солнце настолько часто, чтобы иметь еще и неплохой ровный загар.

Наверное, каждые каникулы грел свою задницу на роскошных курортах с бутылкой виски в обнимку.

Я же под малейшими лучами покрывалась ненавистной россыпью веснушек.

Против воли я посмотрела вслед Синклеру.

Шаги высоких кожаных сапог с удобной колодкой, позволяющей четко передавать команды лошади, приглушало покрытие прохода. Взгляд предательски поднялся, достигая упругих — исключительно по слухам, не то чтобы я знала это наверняка — ягодич, спрятанных под слоем одежды. Приталенный силуэт редингота только подчеркивал осанку.

Я не входила в число фанаток Синклера, но и не была слепой. А то, что парень был симпатичным, не оставляло сомнений. Добавьте к этому долгое воздержание, и вот, пожалуйста. Пялюсь на одного из чопорных лордов, за что хочется самой себе дать подзатыльник.

Но пора было возвращаться к работе, а то скоро на занятия.

Этим и занялась.

В рекордные сроки я закончила чистку Буревестника и отвела его в денник. Затем проверила автоматическую поилку

с терморегуляцией, положила в кормушку сено и минеральные добавки.

А когда разогнулась, то спина смачно хрустнула.

Мне б на массаж сходить или хотя бы в тренажерный зал...

Хотя кого я обманываю? Мне даже на нормальный сон времени не хватало, не то, чтобы на фитнес.

Жеребец требовательно фыркнул и потоптался по полу, выложенному дренажной плиткой и засыпанному толстым слоем свежей соломы и опилок. Он чувствовал, что в кармане моего джинсового комбинезона припасено угощение.

С теплой улыбкой я достала морковку. Предлагать подношение дважды Буревестнику не надо, он тут же принял лакомство.

Пока он хрустел, я провела ладонью по лебединой шее.

— Ну все, малыш. Приду вечером. Будешь меня ждать? — Он снова боднул меня мордой в плечо, вызывая волну тепла в душе. — Будем считать, что да.

Время до лекции поджимало, поэтому, еле подавив зевоу, я убрала очищенные щетки в шкаф в инвентарной и поспешила переодеваться.

Кремовая рубашка заломилась в паре мест, но под приталенным зеленым клетчатым пиджаком все равно не видно. Я надела плиссированную юбку, натянула чистые гетры и тяжело вздохнула. Довершали образ толстый ремень оттенка капучино и такие же лоферы. На плечо повесила холщовую

сумку.

Надо бы поторопиться.

Завтраком иногда приходилось жертвовать, поэтому обычно я перекусывала тем, что удавалось перехватить у доброй поварихи в столовой. Сегодня, правда, я никак не успевала заскочить к ней, поэтому придется впитывать знания на голодный, урчащий желудок. Зато потом был перерыв на обед.

Я уже почти выскочила из конюшни, как меня окликнули:
— Уолш! Райли, стой!

А ведь почти вышла.

Пришлось остановиться, успев приоткрыть створку ворот.

По проходу спешил Линч, одетый в клетчатую грубую рубашку с закатанными рукавами, обнажающими мускулистые предплечья. Поверх был надет кожаный фартук со множеством карманов, куда начкон постоянно запихивал щетки, крема и мелкие инструменты. Густая борода и волосы — «соль с перцем». На ногах темносиние бриджи для верховой езды и высокие поношенные сапоги из мягкой кожи.

Я вопросительно посмотрела на начальника, встретившись с его внимательными карими глазами под густыми бровями.

За ним гордой походкой шел Синклер, словно он — хозяин положения.

— У меня для тебя работа, Уолш, — выпалил Линч.

И тут я недобро прищурилась. Правда, его это совсем не

смутило. Мужчина запыхался, пока почти бежал ко мне с другого конца конюшни.

Чего это ему так резко приспичило?

— Я и так работаю, Линч. Приду в шесть на кормление.

— В два! Тебе надо прийти в два.

Я бросила косой взгляд на Синклера.

Не он ли виноват в неожиданном изменении графика?

Что-то подсказывало, что так оно и было. Этот аристократичный индюк — и есть причина.

— Я не могу, — сухо сказала я. — У меня занятия.

— У кого? — вопрос от Синклера.

— Мистер Локвуд.

— Считаю, у тебя освобождение.

— Что, прости? — Я наградила Эдварда злым взглядом.

На то, чтобы тешить эго придурков с голубой кровью, я не подписывалась. Поэтому, как только он открыл рот, я повернулась к начкону. — Днем я занята, Линч. Ты же знаешь.

— Тогда я тебя уволю!

Меня словно окатило ледяной осенней водой из лужи. Я слегка отшатнулась и посмотрела на конюха ошеломленными глазами.

— Ты этого не сделаешь...

Вопреки желанию, голос прозвучал жалко. Но прямо передо мной рушилась вся моя привычная жизнь. Я уже не первый год тут работала. И даже не второй. Кручусь как белка в колесе. Конюшня — единственное место, где мне хорошо.

Мое место силы. Тут я нечасто вижу этих высокородных зазнавшихся выскочек. Здесь Буревестник...

— Еще как сделаю!

Стало тяжело дышать. Я сильнее сжала ручку ворот и, чтобы не показывать свою минутную слабость, попросту сбежала. Вылетела из конюшни, словно ужаленная.

Попробую поговорить с Линчем позже, когда Синклер не будет маячить поблизости. Оставалась надежда, что начкон остынет и передумает. В конце концов, где он найдет другую помощницу?

Конюшня располагалась в каменном здании, тянущемся в виде подковы вокруг просторного внутреннего двора. По нему я и шла так, словно летела, чеканя каждый шаг. Из всех сил пыталась не обернуться, чтобы не видеть массивные стены из темносерого гранита и черепичную крышу, поросшую мхом.

В голове не укладывалось, что Линч мог поступить так со мной. И ради чего? Ради одобрения какого-то белобрысого лордика? Нет! Все будет в порядке! Это просто секундный взрыв. Приду вечером, поговорю с Линчем, и все станет как прежде... Не мог же он...

Глава 2.

Лектор монотонно разбирал строфы из сборника поэта-романтика, которого мы проходили на прошлом занятии.

И в обычное время я бы заслушалась.

Только сейчас за окном тянулась серая пелена дождя, методично барабанившего по карнизам и окнам. Этот монотонный звук складывался в мелодию Морфея, зовущего в свои объятия. В аудитории было тепло, приятно пахло деревом и мелом. Атмосфера располагала к тому, чтобы уронить голову на сложенные на тетради с неразборчивыми каракулями руки и блаженно закрыть глаза, в которые будто песка насыпали.

Добавьте к этому тот факт, что я встала в пять утра, чтобы через полчаса уже чистить стойла и заменять подстилки, а в шесть — дать лошадям овес и мюсли. Потом эта нервотрепка с сумасшествием начальника.

Как итог: люто хотелось спать.

Весь день я раз за разом перемалывала в голове невеселые мысли, взвешивала произошедшее и здравый смысл на чашах весов.

И все больше укреплялась в умозаключении, что Линч остынет и поймет, какой бред он мне сказал, ведь помощников у него кот наплакал. Еще один уволился буквально

недавно. Конечно, начкон мог бы нанять кого-нибудь, но это случится нескоро.

Он же не дурак, в конце концов, чтобы раскидываться работниками накануне турнира по троеборью.

По крайней мере, я очень на это надеялась.

Пусть лошадей в конюшне при Королевском университете было не так много, но они не пахотные, черт возьми! А породистые спортсмены. Каждая их травма вылетала в баснословную сумму.

Даже будучи университетом для отпрысков богатеньких «кошельков», это совсем не значило, что инвесторы готовы раскидываться фунтами направо и налево. Как раз они умели считать деньги, прибыль и убытки, оценивать окупаемость. А лошади — очень дорогая инвестиция. Поэтому обеспеченные люди не любили, когда их живое имущество приходило в негодность.

Как ни крути, лошадям нужны тщательные подготовка, тренировки, внимание и уход, чтобы не прогневать инвесторов. Линч это знал, как никто, иначе не стал бы начальником.

Нужно было просто выждать немного времени, дать ему переосмыслить очевидное. В конце концов, я не могла так просто расстаться с Буревестником и любимой работой. Отказываюсь воспринимать такую поганую перспективу!

Еле сдержав зевок, я снова попыталась сконцентрироваться на лекции.

Профессор Локвуд расхаживал вдоль кафедры. Сухоща-

вый, низенький, в твидовом пиджаке с кожаными заплатами на локтях и копной курчавых волос. Он напоминал мне какого-нибудь лепрекона. Только котелка на голове не хватало да мешочка с монетами на поясе.

— Английская литература, — проскрипел он, — это не просто набор текстов, которые положено прочесть. Это душа, запечатленная на бумаге.

Локвуд прошел к доске, взял мел и размашистым почерком начал выводить новую тему.

Все-таки зевнув, но так, чтобы не заметил профессор, я переписала в тетрадь:

«Творчество Диккенса. «Рождественская песнь» как эталон развития персонажа».

Рядом со мной, аккуратно расправив складки на пиджаке, сидела Аманда. В отличие от меня, она полагалась на диктофон. Моя подруга была такой миниатюрной, что вызывала ассоциации с Дюймовочкой. Темные волосы с выбеленными концами вились непослушными колечками, а внимательные шоколадные глаза почти всегда смотрели с поволокой.

— В произведении Чарльза Диккенса преобразование Эбенизера Скруджа началось в точке, где он ошибочно верил в то, что ценность человека измеряется лишь количеством заработанных им денег. — Легко говорить, когда большинство из присутствующих имеют безлимитный финансовый запас, подумала я. — В чем он на самом деле нуждается – так это в понимании, что настоящее богатство в любви ближних.

Я закатила глаза, но не стала вступать в полемику. Все-таки спорить с Локвудом — себе дороже.

— Святочный дух прошлых лет — это ключ к метафорическому призраку в предыстории Скруджа. Его собственному призраку, который сделал его таким, каков он есть. Почему он стал таким жадным? Что произошло? Что движет его поведением и реакциями? Это фундамент его как персонажа. В детстве наш главный герой был несчастен из-за своего отца, который никогда не показывал своей любви, отправил его в пансион и не забирал даже на рождественские каникулы.

Аманда осторожно пододвинула ко мне вырванный из тетради лист, на котором аккуратным почерком было выведено:

«Ты выглядишь так, будто вместо чая выпила концентрированный лимонный сок. Что-то случилось?»

Я быстро написала ответ, стараясь не шуршать громче, чем следовало. Не хватало еще, чтобы меня выгнали. На занятиях я пайнька, так и выживаю.

«Ты pomoжeшь мне спрятать труп?»

Аманда посмотрела на меня так, будто оценивала серьезность вопроса. Я чуть не прыснула от смеха.

Ее рука запорхала над листочком, выводя буквы каллиграфическим почерком.

«Конечно. Но не помешали бы подробности».

Я тяжело вздохнула. Не хотелось поднимать эту тему, но подруга не отстанет.

«Линч сказал, что уволит меня, если не приду днем и не

буду прислуживать Синклеру».

— Описание холодной конторы уже дает нам определенные намеки для осмысления характера персонажа. Представьте эту атмосферу, когда зимой помещение обогревается едва тлеющим камином и одним-единственным угольком в каморке у клерка Боба Крэтчита. Рабочее место Скруджа показывает не только его скудость, но и насколько он холоден и одинок глубоко в душе. Он категорически против приглашения на праздничный обед от своего радушного племянника, с отрицательным оттенком относится к Рождеству. Его ложное убеждение строится на желании заработать как можно больше денег.

— Будто в этом есть что-то плохое, — буркнула я.

— Мне порой кажется, что ты, как тот Скрудж, — шепнула подруга.

Взгляд профессора внезапно сконцентрировался на Аманде, отчего девушка выпрямилась, сделала лицо надменным и заинтересованным в знаниях, будто не было никакого диалога с соседкой. Я же нырнула взглядом в свою тетрадь.

Только когда Локвуд снова погрузился в монотонную речь, Аманда пожевала кончик карандаша, что совсем не аристократично, учитывая ее семью, имеющую отношение к модному дому, не использовавшему натуральные кожу и мех.

«Судя по всему, ты отказалась...» — вывела она следующей строчкой на листке бумаги.

Моя лучшая подруга — прям капитан очевидность.

«А ты как думаешь, если я сижу на лекции?»

Аманда так сильно надавила на бумагу, что грифель карандаша чуть не треснул. И даже тогда ее почерк выглядел красивым. Столько раз я пыталась повторить, но у меня не получалось. Пишу как курица лапой.

«У тебя автомат по классической литературе! А вот по экономике могла бы выторговать зачет через Синклера».

Я зло посмотрела на подругу.

Вот как ей объяснить, что не в торге дело. Есть те, с кем можно договориться, и те, кто априори ставит себя выше. Почему-то та же Аманда очень уважительно относилась к обычным рабочим, обслуживающему персоналу, прислуге и так далее. Но не Синклер. Он поставил вопрос ребром.

И да, я не собиралась пропускать занятия!

Мне в этой жизни приходилось выгрызать возможности, тогда как ему все доставалось с золотой ложечки.

Видя, что я решила проигнорировать ее реплику, Аманда прикусила губу и постучала саму себя по руке карандашом.

— Как уже сказал, обычный мир Скруджа холоден и уныл. Герой скорее простынет, чем потратит лишнюю пару шиллингов, чтобы жарче растопить камин, — продолжал свою речь Локвуд, а я хмыкнула, представив Синклера, сидящим на горе из золотых монет и шипящим «Моя прелесть». — Даже описание Лондона показывает восприятие героя, его дом темен и мрачен. Это одинокий и промозглый мир. И Скрудж убедил себя довольствоваться им, чтобы продолжать

верить в ложь и добиваться желаемого. Место действия прекрасно олицетворяет внутренний мир самого Скруджа. Он будто сам мертвец в теле физически живого человека. Диккенсовская задумка с путешествием во времени дает возможность создать яркий контраст между обычным миром настоящего и перспективами, яркими и пугающими своими переменами.

Аманда снова начала что-то писать, а я заранее не предвидела в этом ничего хорошего.

«Заключить с ним сделку — несмертельно».

С кем? Со святочным духом? — так и хотелось спросить. Но я прекрасно понимала, что она не про Диккенса.

«Синклеру плевать на то, что меня могут выгнать из университета».

Вообще не понимаю, почему Аманда так ко мне прицепилась с этим лордом. Как пиявка, честное слово. Раз на то пошло, я могла бы попросить помощи у кого угодно за ответную услугу с учебой по другим предметам. Но хотела заработать зачет сама. Что в этом плохого?!

«Но тебя не выгонят из-за литературы! А из-за сварливого характера миссис Маккены могут. Тут нужно расставлять приоритеты».

То есть по ее логике я могла спокойно пропустить лекцию в угоду желанию насыщенного индюка в начищенных до блеска сапогах? Такие как он не останавливаются на одном, они будут прогибать до тех пор, пока спина не треснет. Уж

мне ли не знать, детство-то пестрело совсем не милыми моментами: на мои плечи легло все хозяйство и множественные прихоти мачехи и ее дочурок. Спасибо, наелась этим на несколько десятков лет вперед.

«Сдам и без него», — написала я резким почерком.

Аманда чуть не застонала от моего упрямства. Я любила ее как подругу, честно. Но порой я для нее была, как инопланетянка, только что ступившая на землю по светящемуся лучу. Да, знаю, иногда я не особенно логична, горделива, упряма и упорна, как баран.

Но мне, правда, надо было учиться.

— Ложное убеждение Скруджа усиливается в первой четверти книги. Встречей с племянником, с клерком Бобом Крэтчитом, со сборщиками пожертвований в пользу бедняков, певцами святочных гимнов и, наконец... С духом Джейкоба Марли. Бывший коллега не просто намекает, а расписывает в подробностях, что нужно сделать Скруджу, чтобы измениться. Марли — вестник. А его предупреждение – это провоцирующее событие, над которым Скрудж насмехается, даже в свете такого убедительного доказательства, как настоящее, живое привидение. Он решает бодрствовать до появления первого духа лишь для того, чтобы доказать самому себе, что все это чушь.

Аманда скользнула взглядом по лектору, который как раз повернулся к доске, и приписала:

«Уверена, что он и заплатит тебе в пять раз больше.»

Считай в плюсе. И ты быстрее накопишь на лошадь!!!»

Хотелось рыкнуть, но как хорошая девочка, я сдержалась. Это уже совсем несмешно. Аманда знала на что давить...на мою мечту.

«Я не стану рисковать учебой. Не ради этого павлина!»

Аманда фыркнула.

Тем временем профессор подошел к окну, будто проверяя, не закончился ли дождь, и продолжил:

— В комнате Скруджа появляется Святочный дух прошлого. Даже если бы он сразу исчез, обычный мир Скруджа уже изменился. Дух вынуждает героя начать путь трансформации. Поначалу единственная цель Скруджа – дожить до утра. Однако он уже прошел точку невозврата. Мир не изменился, изменился сам герой.

«Он не такой плохой, как ты себе напридумывала».

Я знала, что их семьи общались, как и все в высшем обществе. Я же была в нем лишней. До сих пор удивляюсь, почему Аманда решила со мной общаться, а тем более дружить. Мы могли быть просто соседками по комнате в общежитии, и на этом все. Но она сказала, что высшее общество не крутится вокруг денег. И я, будучи потенциальным берейтером в пятом поколении, так же неплохо вписывалась.

Как вы понимаете, я с этим не особенно согласна.

Вместе мы часто выглядели как принцесса и нищенка, но Аманде было все равно во что я одета, покупаю ли бренды или паль из секонд-хенда. Если она экстраверт, то я интро-

верт. По большому счету, она единственный близкий мне здесь человек. Но мне в самый раз хватает.

— Когда вы берете в руки классический текст, держите в уме определенные вопросы. Что происходило в стране и мире на момент написания произведения? Как устроено повествование? Монолог, поток сознания, сатира, аллегория? Какую моральную позицию занимает герой? Иногда она скрыта за иронией. — Локвуд отложил мел и посмотрел на аудиторию: — На следующей лекции мы продолжим разбирать «Рождественскую песнь». Я хочу, чтобы вы подготовились к дискуссии на тему: «Что важнее деньги или любовь».

Когда наконец-то прозвучал бой часов на одной из башен университета, я собрала вещи так быстро, что чуть не уронила карандаш. Вместе с Амандой в потоке других студентов мы вышли в коридор, где шум голосов накрыл волной.

Внутри главного корпуса университета консервативность сменялась уютностью, что держалась на добротных вещах и различных нюансах — например, коврах цвета мха, лежащих на лестницах. На подоконниках в терракотовых кашпо зеленели растения, преимущественно лавр. Теплый свет горел в латунных светильниках с рифленным песочного оттенка стеклом. Стены были обиты темными дубовыми панелями, вдоль которых иногда попадались кожаные банкетки. То и дело из-за открытых дверей учебных комнат виднелись столы из английского вяза.

Ботинки мягко шагали по полу, покрытому широкими досками.

Вестибюль, от которого в разные стороны разбегались коридоры, встречал высоким потолком с деревянными и мощными на вид балками.

Мы спустились по левой ветке широкой и пологой лестницы, по которой впору ходить в длинных пышных юбках и хрустальных туфельках. Чугунные балясины перил закручивались в спирали, в них прослеживались ветки тиса, усыпанного ягодами — очень дорогая ручная работа, насколько знала.

Иногда, глядя на всю эту роскошь, мне чудилось, что я словно попала в сказку и стала принцессой... А потом вспоминала, что нахожусь почти в террариуме со змеями, в чьих жилах текла голубая кровь.

Спустившись вниз, мы с Амандой свернули налево и прошли через двустворчатые двери высотой в полтора человеческих роста. За ней нас ждала столовая, ароматы которой заставили мой желудок призывно заурчать, будто он был волком, а еда — луной.

Над головой тянулись балки и ряды люстр. Вдоль стен стояли длинные столы, будто вырезанные из стволов исполинских размеров. Тяжелые портьеры из темнобордового и болотно-зеленого дамаста ощущались такими же монументальными, как и все помещение.

За окном сильный дождь легкой дымкой прикрывал сад в

Елизаветинском стиле. Узор из самшита и гравия напоминал волшебную вышивку.

В дальнем конце зала высился камин с широкой топкой. Но на моей памяти его ни разу не разжигали.

Быстренько нахватав на линии раздачи еды, мы, как всегда, сели около высоких стрельчатых окон. Внутри столовой стоял гул из голосов и стука подносов. Воздух был густой от запахов томатного супа, свежей выпечки, запеченных рыбы, репы и картофеля.

Первым делом Аманда отхлебнула глоток черного чая с добавлением молока, при этом наслаждаясь ароматом. Она всегда так делала.

Я же предпочитала облепиховый. Почему? А черт знает. Полезный он очень.

Не успела я утихомирить свой голод, как со стороны входа послышался до боли знакомый и звонкий смех. Я застыла с ложкой в руке.

А казалось, что день уже не станет хуже.

Если бы.

К стойкам с напитками подошли мои сводные сестрицы.

Клара была высокой и худощавой, как швабра, а еще вечно высветляла волосы. Готова побиться об заклад, что рано или поздно они у нее отвалятся. А еще она постоянно вела себя так, будто за ней охотятся папарацци, то есть постоянно позировала. На ее запястье поблескивал тонкий золотой браслет, такой же был и у Фелисити. Последняя ростом

не вышла, поэтому вечно ходила на каблуках минимум 25 сантиметров. Ее выпрямленные утюжком смолистые волосы спадали до задницы. Представляю, если бы ее пригласили в ресторан — замечание по поводу распушенной прически не сделали бы, но в мыслях галочку не в ее пользу поставили.

Фелисити скорчила недовольную гримасу и что-то быстро говорила Кларе.

В моей памяти тут же возникли неприятные картины.

Все детство эти две курицы помыкали мной, гоняли по делам, как какую-нибудь Золушку: «Принеси чай», «Убери мои вещи», «Скажи маме то-то». И каждый раз делали вид, что это не манипуляция, а просьба любимых сестриц и отказаться стыдно. А затем и мачеха прибрала к рукам то небольшое, что скопил покойный ныне мистер Уолш.

Клара первой заметила меня. Улыбка на ее лице стала шире и гаже. Аппетит тут же улетучился.

Они направились в мою сторону. Естественно, любое издевательство надо мной куда вкуснее любого обеда.

— О, смотри-ка, Фели, кто тут у нас, — голос Клары звучал наигранно. Дерьмовая из нее актриса, слишком пафосная. — Райли, дорогая, давненько тебя не видела. Как дела у главной местной зубрилы?

Фелисити хихикнула, прикрыв рот ладошкой с нюдовым аккуратным маникюром.

Аманда выпрямилась, словно жердь проглотила. Ее взгляд стал твердым и надменным, но в отличие от моих

сводных сестриц, МакКартни была намного выше их по положению. Ее с детства учили показывать свое превосходство одним взглядом, хотя я заметила, что у нее так и чешется язык сказать этим выскочкам много чего нелицеприятно.

К счастью, откуда ни возьмись, появился парень с темной непослушной челкой, падающей на глаза и выбритыми дизайнерскими висками.

— Привет, Аманда. Тут же не занято?

И, не дожидаясь приглашения, он плюхнулся напротив подруг.

Клара и Фелисити смотрели на него, как оголодавшие кошки на кусок колбасы. Последняя приоткрыла рот, чтобы что-то сказать, но сестра схватила ее под локоть и потащила в другой конец зала. Они нарочито громко стучали каблуками по старым доскам, но главное, что удалялись, оставляя за собой шлейф духов с резким цветочным ароматом.

— Приятного аппетита, — сказал парень и улыбнулся, очерчивая небольшую ямочку на щеке.

— Эстебан? Ты разве обычно не сидишь с игроками в поло? — спросила Аманда, возвращаясь к своему чаю.

— Вообще-то, я по делу. — Он достал из кармана пиджака визитку. — Вот, как обещал.

Аманда тут же поменялась в лице и схватила прямоугольную картонку.

— Что это? — спросила я как бы между прочим, отправляя в рот ложку густого супа.

— Закрытая маскарадная вечеринка, — ответил Эстебан.

Стоило смыслу его слов дойти до моего сознания, как я чуть не подавилась. Подруга же посмотрела на меня с озорной улыбкой.

— Та самая, Райли, — пропела она.

Я покосилась на Эстебана, но уже было поздно, он с интересом смотрел на меня.

Черт, черт, черт!

— Если что, там плюс один, — промурлыкал парень и поиграл бровями.

Мои щеки, кажется покраснели. Нет, точно стали гуще, чем цвет супа.

Я сглотнула.

Как-то раз Аманда заикнулась, что вскоре должен был состояться один очень пикантный маскарад, на котором все инкогнито. И там можно было, не боясь за свой статус, отдохнуть по-полной. Учитывая, что я не строила в университете отношений, кроме потенциальных деловых, это был мой шанс выпустить пар. Мне нужно было тепло мужского тела, но бегать за кем-то и вешаться на шею, я не собиралась.

А вот обстановка полной конфиденциальности... Плюс там действовали строгие правила, которые предотвращали любые недоразумения...

— Пас, — хрипло сказала я, полностью переключаясь на еду.

Только Эстебан, похоже, мне не поверил, судя по его до-

вольной физиономии.

Глава 3.

Дождь к вечеру утих, но воздух оставался влажным и холодным, пропитанным запахом сырой земли и прелых листьев.

С полной уверенностью, что Линч уже должен был остыть и осознать свою ошибку, я шла к обычному времени, чтобы покормить лошадей в третий раз за день и помочь с вечерним осмотром копыт, чисткой щеток и контролем здоровья.

Каждый вечер начкон сидел до поздней ночи, чтобы скоординировать всю работу и распределить задачи. Его обязанности были достаточно обширными, уж я-то знала. Нужно было следить за соблюдением распорядка, контролировать закупки кормов и инвентаря, взаимодействовать с лошадьми и тренерами. Но особенно долго Линч проверял журнал записей здоровья. А ветеринары очень пристально следили за породистыми лошадами, поэтому бумажной волокиты было хоть завались.

Тучи нависали надо мной, будто скальные глыбы. Ветер остервенело дергал кроны деревьев. С веток капли срывались и звонко били по капюшону легкой, зато непромокаемой куртки.

Пришлось ускориться.

Я почти миновала тренировочное поле, когда из ворот вышел Дэниэл Харт, на ходу открывая графитовый зонт-трость.

Ветеринарный врач был высоким и плотным мужчиной. Поговаривали, что в прошлом он профессионально занимался боксом, повредил зрение, а потом занялся тем, что любил в детстве больше всего — заботой о животных. Всегда удивлялась, как в нем сочетались стремление к тому, чтобы помахать кулаками, и такое трепетное отношение к лошадям. Его очки в тонкой оправе вечно сползали на кончик носа, и Дэниэл то и дело поправлял их тыльной стороной ладони. Темно-каштановые волосы, как и всегда, были собраны в низкий хвост.

— О, Райли. — Он улыбнулся, стоило только нашим взглядам пересечься и по привычке поправил очки. В уголках его глаз собрались мелкие морщинки. — Как ты?

Я невольно улыбнулась в ответ.

— Нормально. А у Вас?

— Весь в работе. Даже больше, чем обычно. Ну и погода сегодня, да?

— Зато свежо.

Харт посмотрел на меня внимательнее, будто оценивая, затем неловко прокашлялся.

— У меня к тебе есть один, возможно, странный вопрос, Райли. — Я моментально напряглась и подалась немного вперед, показывая, что внимательно слушаю. — Вы в последнее время не меняли корм?

Я удивленно уставилась на мужчину.

— Корм? Нет, а что?

Дэниэл почесал руку, словно там зудел укус комара, затем снова поправил очки.

— У нескольких лошадей аппетит стал хуже. Гром, например, сегодня почти не тронул овес. И он такой не единственный.

Внутри меня неприятно екнуло.

И как только я могла не заметить ухудшение здоровья у лошадей? Или пострадала лишь та половина, которой занимался Том.

— Вы взяли у них анализы? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Да. Еще взял пробы корма и воды, отправилую в лабораторию. Я настоял на том, чтобы Линч, кроме меня, вызвал диетолога-зоотехника.

Ветеринар, приписанный к нашей конюшне, стабильно проводил плановые осмотры, диагностировал травмы, назначал лечение, прописывал график восстановления и контролировал реабилитацию после нагрузок. По сути именно от Харта зависло, допустят лошадь к турниру или нет.

Но если кто-то что-то добавлял в корм, то все его усилия напрасны.

И как раз диетологи-зоотехники составляли рационы с учетом этапа подготовки будь то набор формы, пик или восстановление. Он подбирал корма, витаминноминеральные добавки и подкормки для суставов и связок.

Мурашки побежали по телу.

Вдруг что-то действительно не так именно с едой.

— А что может быть странного в корме?

— Там могут содержаться, к примеру, ядовитые растения.

Я склоняюсь к добавлению полевого вьюнка, он вызывает нарушение моторной функции кишечника и брадикардию.

— Брадикардию? Замедляет пульс?

— Именно. Если заметишь что-то из этих симптомов в сочетании с расширенными зрачками, то сразу вызывайте меня. Надеюсь, что я просто накручиваю себя, но настоял на проверке силоса на наличие аконита. Также стоит перебрать тюки, вдруг сено начало разлагаться, и тогда оно может содержать токсины. — Я внимательно слушала и кивала, запоминая каждое слово. — И пожалуйста, стоит заметить слабость, слюнотечение, трудности с дыханием...

— Вызывать Вас, я поняла.

А про себя составляла список необходимых дел. Главное — в кратчайшие сроки проверить корма на наличие плесени, гнили и других признаков загрязнения, а также условия хранения. Результаты анализа проб от меня уже не зависели. Номер Харта у меня в телефоне имелся, уже не помню зачем его записала. Конечно, оставался шанс, что ухудшение самочувствия лошадей — это чья-то халатность, просроченная лицензия и так далее.

Дэниэл вздохнул.

— И наблюдай за питьем. Если кто-то начнет пить меньше — сразу говори. Обещаешь?

— Конечно, — сказала я твердо.

Врач устало улыбнулся.

— Всего хорошего, Райли. Будем надеяться, что это случайность.

— До свидания. Если я замечу что-то подозрительное, то сразу сообщу.

— Договорились.

Харт поправил сумку на плече, отчего в ней глухо звякнули инструменты, и пошел по тропинке в сторону парковки.

А я наконец-то вошла внутрь своего любимого места.

Меня окутало знакомое тепло, смешанное с запахами кожи, опилок и лошадей. В проходе между денниками горел ряд тусклых ламп, отбрасывая длинные тени на стены. Изнутри доносились привычные звуки: где-то тихо, но грустно напевал Том, щелкала щетка о резиновую скребницу, раздавалось негромкое фыркание и переступание копыт по соломе. И этот шум — живой, размеренный — уже сам по себе действовал на меня как лекарство от любой хандры.

На секунду я закрыла глаза, вдыхая родной запах конюшни, и почувствовала, как понемногу отпускает то напряжение, которое копилось с утра — от лекции, от встречи с сестрами, от тяжелого разговора, который еще только предстоял.

Первым меня заметил Буревестник. Он вытянул шею через решетку, раздул ноздри и тихо заржал. Я не сдержала улыбки, подошла и положила ладонь на его теплую шею.

— Привет, мой хороший, — прошептала ему в морду.

Как раз в этот момент Том вышел из денника с ведром. Выгоревшая русая макушка парня находилась в беспорядке, на сапогах были комья грязи, вид изможденный. Заметив меня, он замер так, будто уже и не надеялся увидеть, а потом коротко кивнул мне и пошел в дальний конец конюшни.

Из инвентарной, навстречу ему, вышел Линч.

Я ожидала увидеть радость на лице начкона, но при виде меня оно вытянулось, а потом и вовсе нахмурилось. Линч направился ко мне. А я против воли съеживалась с каждым его шагом, предчувствуя, что сейчас мои планы жестко разобьются о чужое ослиное упрямство.

И действительно.

— Я тебя предупреждал, Уолш. Уволена.

А потом он развернулся на пятках и ушел.

Он просто ушел! Говнюк!

Хлопнула дверь инвентарной.

Я вздрогнула.

Линч явно не собирался провожать меня до выхода, уверенный, что я сама доползу и окончательно скроюсь с его глаз.

А я стояла столбом, переваривая услышанное.

Это же галлюцинации, да?

По-другому и быть не могло.

Это отравление, мигрень, давление. Да все сразу, только не гадское увольнение.

Внешне я не показывала внутреннюю бурю, разрываю-

щую меня в ключья. Хотелось орать, топтать ногами, крошить все. Но я просто стояла и смотрела на дверь в другом конце конюшни. Практически закипала, как чайник на плите, и все равно не двигалась.

Осознание наваливалось на меня бетонной плитой, грозясь раздавить в лепешку.

Неужели это происходит со мной?!

Вот же безмозглый хрыч! Боится разозлить Синклера! Чуть ли на задних лапках перед ним не бегает, как цирковой пудель.

И что же он сделал, даже понимая свое невыгодное положение накануне троеборья?

Отмахнулся от меня, как от назойливой мухи!

А потом другие удивляются, почему я сторонюсь людей... Да, потому что большинство из них редкостные козлы!! Лошади честнее.

Я старалась сдержаться и не закатить феноменальную истерику, какую еще не видели стены этой конюшни.

Пыталась сохранить самообладание... Вот прямо изо всех сил.

В глазах не появилось слез, лицо не перекосило от ярости. Но внутри...

Внутри я полыхала, как взорвавшийся вулкан, готовый поглотить все под слоем лавы.

Где я найду себе здесь другую работу?

На кухне?

Увы, тогда я перетравлю весь университет и останусь одна на огромной территории, а потом предстану перед судом, как серийный убийца. Мои кулинарные навыки находились где-то на уровне “сделаю крысиный яд из подручных продуктов”. Только это меня спасло от судьбы вечной кухарки при мачехе.

Прачечная? Бррр. Лучше убейте меня. Кто-то здесь, может, и уважал обслуживающий персонал, но как минимум половина с удовольствием будут вести себя как коронованные снобы. Особенно мои сводные сестры, те будут шпынять меня потом до конца выпуска. Нет, лучше утоплюсь в озере неподалеку.

Официанткой в кафе в ближайшем городке? Он все равно был в часе езды отсюда. На чем я буду туда добираться? Велосипеда у меня не имелось. Машины тоже. Лошадь украсть? Да и все равно дорога туда — это время, которого у меня и так не было.

В остальном университет находился на эко-территории, чтоб ее. Свежий воздух, луга, зеленые поля.

Когда я только приехала, то меня очаровал английский особняк, практически замок, в духе тюдоровской эпохи. Узкие многостворчатые окна с рамами из темного дуба поблескивали от каждого солнечного лучика. По краям главного корпуса высились две башни с зубцами, на одной из них тикали старинные часы, чей бой доносился до дальних уголков небольшого парка с фигурно подстриженными кустами.

А какие университет окружали холмы... Такие впору запечатлеть на холсте в лучах закатного солнца. Очертания учебного заведения так эффектно вырисовались на фоне переменчивого английского неба.

Вход на территорию знаменовала каменная арка, а над ней застыл герб университета: змея лежащая на раскрытой книге в обрамлении лаврового венка. Помню, как я шла к главному корпусу по гравийной подъездной аллее между тисовых изгородей, как были широко распахнуты мои глаза.

Красота здесь была неимоверная, тихая, готическая. Она радовала мои глаза уже два года.

Два года упорной работы и учебы, недосыпов и зубрежки. Но на третий мне решил подложить свинью не преподаватель, а начальник конюшни.

Теперь я ломала голову, где бы заработать денег. И как навещать Буревестника, не попадаясь на глаза Линчу, потому что черта с два я буду держаться от конюшни подальше.

Мне нужно было срочно успокоиться, иначе наломаю дров.

Желательно посидеть в одиночестве в тихом уголке, где меня никто не увидит и не услышит. Для меня такое место находилось на сеновале, расположенном на верхнем ярусе. Особенно я там обожала арочные окна для проветривания, которые выходили прямо на площадку для выездки.

Туда я и отправилась зализывать душевные раны. По скрипучей лестнице поднялась наверх.

Меня тут же окружил аромат сена высшего качества, который укладывался рулонами. По привычке проверила влажность, которая контролировалась гигрометрами. Превозмогая шум в голове, я направилась к своему заветному уголку, на котором уже давно расстелила немного сена, как эдакую подстилку.

Меня до сих пор колотило от бешенства. Ради прихоти напыщенного павлина Линч лишил меня работы.

Я настолько погрязла в своих мыслях, что споткнулась обо что-то и полетела в разворошенный тюк сена.

— Твою мать!

Приземление оказалось мягким настолько, насколько возможно в данной ситуации. Пострадала лишь моя гордость. Но ей в данной ситуации мало что могло помочь. Веточки кололи кожу, но это пустяки. Главное — голова, руки, ноги целы. А с ущемленным эго как-нибудь потом справлюсь.

Сено запуталось в волосах, даже умудрилось заползти под куртку.

Отплевываясь и барахтаясь, как рыба в сетке, я наконец-то выбралась и посмотрела, обо что такое споткнулась. Не припомню, чтобы оставляла что-либо поперек своего небольшого прохода.

Каково же было мое удивление, когда я увидела, что это не что-то, а кто-то.

Эдвард, чтоб его черти в аду драли, Синклер.

Он сидел, прислонившись к одной из бобин сена и вытя-

нув свои длинные ноги. Именно о них я и споткнулась.

Сейчас Синклер выглядел немного неряшливо без пиджака, в одной белоснежной хлопковой рубашке с высоким жестким воротником. На манжетах сияли запонки с изумрудами. Шелковый галстук он расслабил, а рукава закатал, открывая упругие мышцы предплечий.

Но даже в таком виде он выглядел вальяжным и жутко бесячим, положив ногу на ногу.

Какого черта он делает в МОЕМ убежище?

Будто прочитав мой немой вопрос, он сдержанно ухмыльнулся уголком губ. В свою очередь я недобро прищурилась и изо всех сил сдерживала свой острый язык, чтобы не наговорить гадостей. А так хотелось. Все навалилось на меня слишком одновременно.

Его взгляд скользнул по мне ниже.

Только сейчас я поняла, что в процессе падения клетчатая юбка задралась настолько, что был виден край простых хлопковых черных трусов.

Со злостью отдернула предмет гардероба, отчего его улыбка преобразилась в издевательскую.

Интересно, если его убить сейчас, труп быстро найдут?

— Здесь могут находиться только работники конюшни,
— прошипела я, неловко вставая.

Парень усмехнулся. Ну да, вид у меня сейчас был далеко не грозный. Скорее симбиоз Золушки и Страшилы, который еще и вороны потрепали. Сено торчало из волос в хаотичном

порядке.

— Значит, мы оба не можем здесь находиться.

Туше...

...

Прибыю его!

И плевать я хотела, какой он там высокородный.

— По твоей милости, между прочим.

Он цыкнул.

— Неправда. У тебя был выбор. Ты отказалась, даже не выслушав предложения.

— Это был ультиматум. Из-за которого я могу потерять учебу.

— У тебя все не так плохо с учебой, Уолш. Тебя не выгонят.

— За счет усердия, а не за красивые глазки!

Эдвард наклонил голову и оценивающе пробежался по мне взглядом.

— По-моему, у тебя есть и то, и другое. Единственное, проблемы с Маккенной, так?

Я пару раз хлопнула веками, как филин, осознавая одну очень неприятную вещь. У него хватило наглости узнавать мои оценки!

— Ты сталкер что-ли?

Про одного такого я читала в одном очень горячем романе. Но одно дело — книга, и другое, когда тебя реально преследуют. А когда преследуют те, у кого денег куры не клюют,

то становится еще страшнее. Таким и с правосудием договориться не так тяжело, знать бы только с кем и где надавить. В справедливость я особо не верила и прекрасно понимала, что не его поля ягода. Если бы эта самая справедливость была, меня бы не уволили всего лишь за нежелание подвергать учебу опасности.

Однако мой вопрос повеселил Эдварда.

Он улыбнулся, нехорошо так, хищно.

От этого по спине побежали мурашки.

Мало ли какие причуды у этого представителя аристократии. Бывали те, кто даже не гнушался чучело снежного барса в гостиной поставить. Вдруг этот из таких же, отбитых и чувствующих свое полное превосходство.

— А если сталкер, то что?

Вопросом на вопрос. Понятно. Мне не повезло оказаться рядом с тем, кому начхать на этикет и прочее. Хотя о чем я, он на сеновал забрался.

Мой сеновал между прочим!

— Тогда я заявлю на тебя в полицию.

Слабый аргумент. Но вдруг прокатит...

— Валяй. Но сначала выслушай предложение.

Не прокатило.

— Я не буду пропускать занятия, даже если ты пообещаешь мне корону английской королевы.

Синклер хмыкнул.

— Однако, какие у тебя аппетиты. — Этот идиот не по-

нял мою иронию. А я-то надеялась, что он прочувствует категоричный отказ. — Мне нужна личная помощница в подготовке к троеборью.

Он будто отказывался меня слышать. Или со слухом проблемы. Ярость уже клокотала в горле. Еще немного, и я превращусь в огнедышащего дракона.

— Ты не расслышал? Я сказала, нет, — как можно сдержаннее ответила я.

— Утрою оплату.

Он тупой? Нет, деньги мне, конечно, нужны. И этот павлин об том знал, иначе я бы не работала в перерывах между занятиями. Но быть настолько непробиваемым — это талант.

— Зачем я тебе вообще нужна?

Придурок.

Но последнее я оставила при себе.

А то мало ли шибко обидчивый.

Сейчас мужчины пошли уж очень нежные. И скупые полхлебе небезызвестного Скруджа из «Рождественской песни» Диккенса. В будущем Синклера явно ждала такая же судьба. Будет старым, брюзжащим хрычом. И плевать мне, что герой книги одумался. Сейчас не явятся духи Рождества, чтобы надавать этому лорду под зад.

— Скоро должно состояться конное троеборье между университетами.

Ну гений. Я же не в вакууме живу. В курсе предстоящего

турнира. Поэтому мое увольнение в свете этих событий особенно глупое.

— И? Я тебе не личный конюх.

— Мне не нужен грум. Представь себе, я могу позаботиться о своей лошади. Но мне нужна правая рука и глаза, которые присмотрят за Искоркой.

Не поняла...

Я тут же прикинула, про кого он говорил.

В конюшне содержались лошади нескольких пород, отобранных для разных дисциплин.

Четверо кливлендских темно-гнедых с белыми отметинами на ногах. Они были универсальными лошадьми для экипажей и обучения новичков. Идеальные крепкие спины, спокойный темперамент. С ними я иногда занималась, чтобы никакой богатеи не пострадал, садясь на лошадку.

Не то. Что там дальше по денникам?

Восемь голов гнедых и рыжих чистокровных верховых для поло и скачек. Они обладали длинными ногами и сухой конституцией, отличались скоростью и маневренностью на коротких дистанциях. Там, кстати, я пару раз видела Эстебана.

Дальше...

А вот дальше располагалось пятеро вороных и гнедых ганноверских для выездки и троеборья. Их мощные задние конечности я обходила стороной, ибо если получить удар такими, то отлетишь на добрых несколько метров. Но их ши-

рокая грудь впечатляла, так и манила погладить. При этом они выдающиеся прыгуны.

Именно среди них затесалась та самая Искорка, довольно ретивая новенькая кобылка с характером. А еще пугливая — в последнее время она частенько начинала нервничать первой. Но и ее стойло находилось почти в конце конюшни.

— А что не так с Искоркой?

Синклер заметил резкие перемены во мне и моментально посмотрел как-то странно, с прищуром. Даже знаю почему. Мне не раз высказывали по этому поводу, в том числе и бывший парень. Почему бывший? А потому что какой идиот будет ставить мне ультиматум: либо я, либо любимая работа? Явно кретин. Если дело касалось людей, мне всегда было начхать. Но конюшня — другое дело, за лошадей я любому глотку перегрызу.

— Мне кажется, к ней кто-то навевается. Она стала беспокойной.

Если бы дело было только в Синклере, я бы и ухом не повела. Но его слова... Линч не прислушался ко мне. Но вот оно — доказательство, что я не параноик! Бесячее, высокомерное, но все же доказательство.

И просьба Харта...

Все это складывалось в мало успокаивающую картинку.

Кажется, я задумалась слишком крепко, потому что это заинтересовало Синклера. Он подался вперед.

— Ты что-то знаешь?

Не то, чтобы я была настроена на откровения именно с Синклером. Вот только что мне оставалось делать, если Линч мне не верил, и Том — тоже? Один Харт начал бить тревогу, и тот еще сомневался в целенаправленном вредительстве. Все-таки какой дурак в здравом уме станет травить или специально пугать дорогостоящих животных?

— В последнее время лошади действительно стали больше нервничать. И Харт отметил ухудшение аппетита.

— Харт?

Тут я не удержалась и закатила глаза. Естественно, этот лордик не знал Дэниэла.

— Ветеринар.

Он посмотрел куда-то в одну точку, взвешивая услышанное.

— Ты рассказывала Линчу?

Прежде чем ответить, я фыркнула и скрестила руки.

— Конечно. Но он посчитал это глупостью и посоветовал заглянуть к психологу.

Синклер кивнул, будто бы сам себе.

— Поэтому я и обратился к тебе.

Это заставило меня вздрогнуть от догадки.

— Не думаешь же ты...

И по его взгляду поняла, еще как думает.

Он подозревал Линча, либо просто не доверял ему. Все-таки в мире больших денег купить можно кого и что угодно. Уж наивностью по этому поводу я не страдала.

Тогда назрел другой резонный вопрос...

— Почему именно я?

— Многих можно купить, Уолш. Но не тебя.

А что же он тогда пытается сделать, интересно знать?

— Ты недооцениваешь меня. Может, ты мне мало предложил.

— Без проблем. Увеличу в пять раз. И подниму сумму вдвое, если кто-то предложит больше хотя бы на фунт.

Я аж воздухом подавилась.

Синклер не улыбался, похоже, говорил серьезно.

А, в конце концов, почему бы и нет?

Если ему проще считать меня меркантильной, то без проблем. Деньги мне действительно пригодятся. Я мечтала не только закончить университет, но и купить собственную лошадь. Моя детская мечта. Но к лошади нужно много чего, например, дом, конюшня, снаряжение и т.д. и т.д.

Тем более, теперь мне не давали покоя подозрения Эдварда и слова Харта.

При одной только мысли, что кто-то мог бы сделать больно Буревестнику, хотелось рвать и метать.

Вот только оставался один нюанс, которым я не могла пренебрегать.

— Но я не буду пропускать...

— Я тебя услышал, — прервал он. — Думаю, мы сможем как-нибудь прийти к компромиссу. Не буду врать, иногда все равно придется пропускать занятия, но не постоянно. Обе-

щаю, у тебя не будет проблем из-за этого.

В любом случае, отказаться я всегда успею.

Плюс к повышенной оплате прилагалось перекошенное лицо Линча. Уж такое я точно не пропущу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.